

УДК 304.42

ББК 60.54

*О.А. Богатова***СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

В статье конкретизируются основные социальные технологии управления формированием российской общегражданской и региональной идентичности в республиках в составе Российской Федерации, выявляются основные модели и уровни республиканской политики идентичности, анализируются социальные последствия её воздействия на массовое сознание на основе данных фокус-группового исследования в Республике Мордовия. По мнению автора статьи, специфика политики управления региональной идентичностью в республиках России заключается либо в этнизации региональной идентичности в сочетании с этатизацией и территориализацией идентичности титульной этнической общности, либо в определении специфики республики в терминах культурного многообразия и «титульной» этничности в качестве элемента этого многообразия, без приписывания ей государствообразующей или легитимирующей функции. В соответствии с этими альтернативными моделями, российская национальная идентичность определяется агентами республиканской политики идентичности либо в качестве конгломерата территориализированных и политизированных этнических наций, выполняющих как культурные, так и политические функции, либо в качестве верхнего иерархического уровня самоопределения граждан России, относящих себя к различным этническим общностям, выполняющим функции поддержки культурного многообразия – при условии деполитизации этничности и наличия общенационального культурного ядра. Результаты фокус-группового исследования в Мордовии позволили выявить эффекты воздействия социальных технологий республиканской политики идентичности в виде проблематизации понятия «русский народ» и поляризации мнений в отношении перспектив российской национально-гражданской идентичности среди участников дискуссии. В основном представлена позитивная эстетическая оценка символических и перформативных технологий этнизации республиканской идентичности, направленных на формирование имиджа Мордовии при помощи репрезентации мордовской культуры в публичном пространстве. Дана критическая оценка таких «жестких» административных технологий и последствий их реализации, как «навязывание» изучения мордовских языков или «вытеснение» культурного многообразия, преобладающее скептическое или безразличное отношение информантов, в особенности из числа «нетитульных» этнических групп. К целям доминирующей в Мордовии этнизирующей модели политики идентичности относятся отдельные случаи поиска альтернативных «негражданских» концепций российской идентичности.

Ключевые слова: политика идентичности, национально-гражданская идентичность, российская нация, этническая политика, региональная идентичность, этничность, республики в составе Российской Федерации, социальные технологии, Республика Мордовия.

Предметом рассмотрения в данной статье являются социальные последствия республиканской политики идентичности на примере Республики Мордовия. Теоретическое осмысление и описание конструирования территориальной, национальной или этнической идентичности как управляемого процесса связано в социальных науках с использованием концептов «управления идентичностью» (identity management) и «политики идентичности» (identity politics, identity policy). Понятие «управления идентичностью» используется в зарубежной социальной психологии в контексте теории социальной идентичности в основном для изучения стратегий конструирования и трансформации идентичности этнических групп во внутригрупповых и межгрупповых взаимодействиях на межличностном уровне с учетом влияния различных структурных факторов.

К числу предметов изучения в рамках «теории управления идентичностью» относятся, например, проблемы трансформации идентичности мигрантских диаспор в Западной Европе относительно страновой (национально-гражданской) и собственно этнической (связанной с происхождением и исторической родиной) идентичности [42]. Проблемы управления идентичностью, по мнению западных социальных психологов, обусловлены как психологическими, так и институциональными процессами, но не могут быть сведены к какой-либо одной группе факторов [41. Р. 20].

¹ Статья подготовлена к печати при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» (грант РГНФ 16-03-00145 а).

Анализируя отечественные публикации, посвященные проблемам «управления идентичностью», можно сделать вывод о том, что в современных российских социальных науках доминирует упрощенная интерпретация этого феномена, выражающаяся в его сведении к институциональным манипуляциям коллективной идентичностью при помощи технологий как «гибкой» (использование политиками средств массовой информации, социальных медиа, поддержка религиозных и этнических организаций), так и «жесткой власти» [17; 26].

Концепт «политики идентичности», автором которого называют Р. Анспача [37], и представление о региональной идентичности как продукте этой политики широко используются рядом современных российских социологов и политологов конструктивистского направления при осмыслении социально-политических процессов. Так, В.Я. Гельман характеризует политику региональной идентичности как «деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [36. С.192]. Л.М. Дробижева выделяет республиканскую идентичность как особый вид региональной идентичности, основанный на самоидентификации населения республик со своим административным регионом, отнеся к её особенностям сходство «с этнической идентичностью – с точки зрения близости и реальности её восприятия, традиционности её воображения, большей лёгкости её конструирования» [36. С.66], в то же время считая её совместимой с общероссийской гражданской идентичностью при условии, что она не сливается с этнической.

Автором концепции российской гражданской нации (нации как согражданства), идеологической основой которой должен служить гражданский национализм, принято считать В.А. Тишкова. Во второй половине 2000-х гг. он предложил гибкое, с его точки зрения, определение гражданской нации как составной, включающей в себя исторически сложившиеся в России этнические нации, но при условии деполитизации понятия «этнонации» и сведения его к этничности как культурной идентичности: «Сосуществование двух разных смыслов для такого политически нагруженного понятия, как «нация», возможно в рамках одной страны. Главное – объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими и понятия «российский народ» и «россияне» не отрицают существования русского, татарского, осетинского, якутского и других народов нашей страны. Поддержка и развитие языков и культур народов России должны идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны» [33. С. 80].

«Двухступенчатая» концепция российской нации, таким образом, включает приписывание национальным общностям разного уровня социальных функций различного содержания: культурных – этнонациям, и политическим – российской гражданской нации, интерпретируемой как своеобразная «надстройка» над нациями этническими группами: «В свете нашей доктрины возможно множественное употребление понятия «нация» (русская или татарская нация не исключает российскую нацию и наоборот), но само государство должно называть «национальной политикой» политику обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, а политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться «этнической политикой»» [33. С. 81]. Эта концепция, однако, не учитывает важнейших социальных обстоятельств, влияющих на процесс её реализации: самодостаточности идеологии национализма, который не признаёт иерархии наций, проблемы территориализации этничности в той административно-территориальной форме, которая является результатом институционализации советской национальной политики, а также взаимного наложения этих факторов, создающего сильнейшие этнопартикуляристские тенденции в политике. На практике, как будет показано ниже, вместо деполитизации этничности в ряде республик происходит дальнейшая этатизация «титულიной» этничности (по терминологии Р.Р. Галлямова) [6. С. 47].

Л.М. Дробижева характеризует гражданскую идентичность как «самоотождествление личности с обществом, представление о том, «кто мы», и чувство общности, солидарности, ответственности и за судьбу страны, и за жизнь окружающих. Ответственность за дела в стране ее граждан, готовность действовать во имя их интересов, доверие к окружающим, проявления солидарности как раз и характеризуют именно гражданскую, а не только государственную и страновую идентичность» [12. С. 221]. Впоследствии, анализируя проблемные аспекты формирования российской идентичности в постсоветский период, она отмечает, что проблемы культурной дистанции и опасений «утраты закреплённых ролей в символическом пространстве» остаются актуальными как в республиках, так и в других регионах страны, и не снимаются декларацией единства российской нации и толерантности в межэтнических отношениях [9. С. 83].

Проблемы реализации официально декларируемой в постсоветской России задачи создания единой гражданской нации, которая является основой федеральной политики идентичности, эксперты связывают с противоречивостью конституционных оснований российской национальной политики, способствующей попыткам обойти в политическом дискурсе «конфликты между разными интерпретациями ее основания (нация или наднациональная “общность”) и границ/критериев включения (гражданство, этническая и конфессиональная принадлежность, язык и культура)» [15. С. 98-99], наряду с попыткой построить гражданскую нацию «сверху», без участия гражданского общества [25. С. 177], а также значительной регионализацией этнической политики, позволяющей республиканским элитам, по оценке В.С. Малахова, устанавливать особые «режимы социокультурной коммуникации, отличающихся от тех, что действуют на остальной территории. Эти режимы связаны с особым статусом языка титульной этнической группы (например, татарского в Татарстане), с особенностями кадровой политики и так далее» [14. С. 86].

Подобного рода критические замечания высказывались в российском экспертном сообществе и относительно федеральной этнической политики. Мнение о том, что действительными субъектами и бенефициарами Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» являются этнические и конфессиональные корпорации, вследствие чего её реализация может способствовать усилению этнического партикуляризма и усугублению политизации этничности вместо декларированных в её названии целей, было высказано, например, одним из экспертов–участников круглого стола на историческом факультете СПбГУ во время международной конференции «Нации и этничность в гуманитарных науках» (2014 г.): «Констатируется, что в России проживают представители 193 народов. Вполне в таком в примордиалистском ключе пишется, что они обладают определенной духовной и материальной культурой. Мы видим здесь стандартное понимание: территория, особенности материальной и духовной культуры, самосознание. Чтобы составить многонациональный народ, по логике документа нужно политизировать, огосударствлять эти национальности, чтобы они стали кирпичиками» [39. С. 63].

А.Р. Галлямов связывает с наличием этнократических режимов в республиках особенности политических процессов в этих регионах, в том числе консолидированное голосование на выборах, утверждая, что «отсутствие конкуренции и привело к формированию в национальных республиках привычки администрировать политический процесс, а не вести электоральную борьбу» [5]. «Администрирование» выборов повышает значимость республиканских элит в качестве посредников между республиканским электоратом и федеральным центром, хотя само по себе и не связано с этнокультурными особенностями республик.

Всё это побуждает федеральный центр делегировать функцию регулирования содержания и методов этнической политики республиканским элитам, которые, таким образом, получают возможность реализовывать такую этническую политику и политику идентичности, которую они считают нужным проводить при частичном аутсорсинге «этнокорпораций» в виде этноориентированных и конфессиональных НПО. Общественные организации и движения могут выступать при этом в качестве аутсорсеров как на общенациональном (ВРНС, съезды народов России), так и на региональном (казачество, местные общественные инициативы и национально-культурные организации), выполняя как функции целеполагания и артикуляции политических целей (например, в одобренной полномочным представителем Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабичем форме обсуждения «наиболее актуальных вопросов государственной национальной политики, развития духовных и нравственных ценностей, культурной и языковой идентичности» [21. С. 11], так и инструментальные функции. Достойны упоминания, например, квесты «Татар дозор», организованные в Казани молодёжными активистами из движения «Уздебез» («Мы вместе») с целью проверки торговых точек, кафе и ресторанов на предмет использования татарского языка как государственного в Республике Татарстан, которую республиканские власти предпочли санкционировать в форме общественной инициативы [7. С. 131].

Социальные последствия этой политики в республиках также характеризуются значительным региональным разнообразием, которое можно охарактеризовать при помощи таких зависимых переменных, как степень интеграции республиканской и общероссийской идентичности, и степень этнизации республиканской идентичности, направленной прежде всего на формирование в сознании населения представления о республиках как формах этнической государственности, которыми они, согласно действующему законодательству, не являются (Согласно Конституции РФ, источником суве-

ренитета на всей территории страны является «её многонациональный народ» (ст. 3), декларируется равноправие всех субъектов Федерации одновременно с «равноправием и самоопределением народов» (ст. 5). Вследствие этого, как отмечает А. Г. Осипов, «региональные конституции и законы содержат компромиссные положения и избегают прямого декларирования того, что определенная территория принадлежит определённой группе») [23. С. 171].

Несмотря на это, федеральный запрос на управление культурным многообразием через этнические и религиозные корпорации, опосредованный действующей конфигурацией административных регионов, встречает поддержку и готовность к сотрудничеству среди республиканских элит. Результатом этого сотрудничества является тенденция к фактической подмене в некоторых регионах понятия российской гражданской нации концепции многонационального русского народа как суммы территориализированных и этатизированных этнонаций, которым приписывается полный набор и культурных, и территориально-политических атрибутов национального государства. Таким образом, региональные политики идентичности в целом могут рассматриваться в качестве действенного социального механизма конструирования и этнизации категорий социальной идентичности населения регионов в составе Российской Федерации.

В соответствии с концепцией Р. Брубейкера здесь и далее под этнизацией социальных общностей мы понимаем идентификационный процесс с участием различных социальных агентов, в результате которого «этнические построения могут становиться чрезвычайно доступными и в результате – вытеснять другие интерпретативные схемы» [2. С. 151]. Процесс этнизации социальных различий, по мнению Ф. Беккер, заключается в общественно-политической маркировке отличительных культурных черт в этнических терминах [1. С. 82] и способствует обособлению этнизируемых общностей. Внимание западных социологов к этнизации социальных агентов показывает, что она является не только российской проблемой. Как отмечает Е. И. Филиппова, в развитых странах в условиях постмодерна и глобализации, наряду с дезинтеграцией традиционных групповых связей и солидарностей, имеет место расиализация и этнизация общественно-медийного дискурса, создание новых групп меньшинств через навязывание массовому сознанию расовых и этнических категорий, которые «реифицируются, наделяются собственной идентичностью, «маркеры» которой формируют схематичный стереотипизированный образ, приписываемый, а нередко и навязываемый их членам» [35. С. 263].

Эти выводы в Республике Мордовия подтверждаются данными количественных исследований о динамике социальной самоидентификации населения, предпринятых в 2009–2015 гг. под нашим научным руководством на базе филиала ВЦИОМ по Приволжскому федеральному округу в рамках социологического мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений и показавших рост значимости республиканской идентификации в этот период. Этот рост имел место во всех этнических группах населения республики, но в наибольшей степени – с 18,3 до 28,0 % – среди представителей «титულიной» мордовской национальности, причём за счёт как общероссийской, так и сбалансированной региональной самоидентификации («считаю себя в равной степени гражданином России и Мордовии»), которая с 2009 по 2015 г. снизилась у респондентов, относящих себя к мордве, с 52,4 до 46,5 %. В то же время доля респондентов, положительно ответивших на вопрос: «Высказывается утверждение о том, что все граждане России, будучи представителями разных народов со своей культурой, языком, самосознанием, в то же время составляют РОССИЙСКУЮ НАЦИЮ как гражданско-государственное сообщество, объединённое чувством патриотизма, сознанием ответственности за судьбу страны. Каково Ваше личное отношение к этому утверждению?» уменьшилась с 66,8 % в 2010 г. до 24,6 % в начале 2013 г. (после празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства).

Такие существенные изменения в массовом сознании региона, численность населения которого в настоящее время составляет около 800 тыс. человек, на наш взгляд, отражают прежде всего последствия конструирования региональной идентичности посредством управления информационной средой региона, в полном соответствии с концепцией В.Я. Гельмана. В данном случае можно предположить дополнительный «эффект масштаба», а именно, более высокую, по сравнению с крупными регионами, интенсивность воздействия пропаганды республиканской идентичности из-за относительной небольшой численности аудитории, около половины которой сосредоточено в столице и прилегающих к ней районах республики. Однако сами по себе социальные механизмы, используемые в рамках республиканской политики идентичности в Мордовии и других республиках, нуждаются в конкретизации на основе сочетания количественных и качественных методов исследования.

С нашей точки зрения, в данном случае уместно рассматривать региональную политику идентичности, учитывая системный и многосторонний характер её воздействия, как комплекс социальных технологий, решающих задачи управления идентичностью региона в деятельности различных социальных институтов. Понятие социальной технологии в данном случае используется нами в двух значениях, отмеченных Ж.Т. Тощенко: «Как проект, содержащий процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом» [34. С. 427]. Иными словами, социальные технологии управления республиканской идентичностью включают в себя как формулирование паттернов и целей политики идентичности, так и деятельность различных социальных институтов в регионе, направленную на реализацию этих образцов и целей.

Таким образом, среди технологий управления республиканской идентичностью посредством управления информационной средой региона в Мордовии и большинстве других республик можно выделить следующие:

1) технологии, направленные на формирование и трансляцию приоритетных целей республиканской политики идентичности: а) в области управления этнодемографическим составом населения; б) в области управления отношениями республики с федеральным политическим руководством и другими российскими политическими субъектами; в) в области управления отношениями с «диаспорами» титульной национальности в других регионах России; г) и/или в области кадровой политики.

А) Этнодемографическая политика республик конструируется посредством пропагандистских кампаний в СМИ, в том числе прямых обращений региональных политиков, включая глав регионов, городов и муниципальных районов, к населению, в которых артикулируются определённые цели, которые, по их мнению, должны быть достигнуты в результате очередной всероссийской переписи населения: «вернуть миллионный статус», «никого не потерять», «вспомнить о своих башкирских / мордовских / татарских корнях», «сохранить народ / республику» и т. д. Эти послания могут иметь и более сложную аргументацию: например, переопределение основных, по мнению Г. У. Солдатовой, социальных ролей «большинства / меньшинства» и «титульной / нетитульной» этнических групп, имеющих место в межэтнических отношениях в республиках [30. С. 37]. Такое символическое переопределение может заключаться в декларации особой престижности и государствообразующего статуса титульной национальности в России в целом, завышении её численности в стране (сюда относится, например, фраза из интервью Главы РМ о «20 миллионах человек, имеющих мордовские корни», на территории бывшего СССР, попавшая на официальный сайт органов власти Мордовии) [13].

В пропаганде целей политики идентичности республик в их демографических аспектах принимают участие как высшее руководство республик, так и государственные и муниципальные служащие, а также главы городов и районов. В экспертном опросе И. М. Габдрафикова один из экспертов, государственный служащий Республики Башкортостан, объяснил 2-8-кратное увеличение численности башкир в отдельных сельских районах по результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. тем, что «неудобно себя чувствовали руководители тех районов, где по переписи 1989 г. чудесным образом и в большом количестве исчезло коренное население, которое всегда там составляло значительную процентную долю во всех предыдущих переписях... Они хорошо, на документах, поняли подлинную историю своих сёл и деревень» [4. С. 121].

Информационные меседжи адресованы населению республики, представителям власти, а также представителям ей титульной национальности в других регионах России, хотя желаемых целей удаётся достигнуть именно в республике. Озвученный Главой республики Мордовия Н. И. Меркушкиным в его интервью накануне Всероссийской переписи населения 2010 г. прогноз увеличения численности мордовского населения в республике оправдался в полной мере, так как обнародованные данные переписи показали увеличение на доли мордвы в населении Республики Мордовия на 8 процентных пунктов — с 31,9 % до 39,9 % с 2002 по 2010 гг.), в то время как доля русских за тот же период уменьшилась с 60,8 % до 53,4 % [18. С. 2]. В абсолютных цифрах это означает снижение численности русских с 540,7 тыс. до 443,7 тыс. чел. в 2010 г. и увеличение численности мордвы с 283,9 тыс. чел. в 2002 г. до 333,1 тыс. чел. за тот же период на фоне общего уменьшения численности населения республики с 888,8 тыс. чел. до 834,8 тыс. чел. за тот же период и снижения численности мордвы по России в целом до 744 тыс. чел., то есть на 100 тыс., по сравнению с 2002 г. чел. [31. С. 72]. В тех случаях, когда руководство республик не пытается влиять на этническую самоидентификацию населения в процессе переписи, происходит, как правило, стабилизация доли титульной национальности либо её незначительное изменение.

Б) Идентификационный аспект управления отношениями республик с высшим политическим руководством России направлен на символическое повышение статуса республик в российском социальном пространстве, а также статуса титульной этнической группы посредством организации всероссийских и международных «мегасобытий» с участием в качестве гостей первых лиц государства, а также приглашением высшего руководства иностранных государств. В Мордовии к таким событиям относятся, например, международный фестиваль «Шумбрат, Финно-Угрия!» с участием Президента РФ, а также президента Финляндии и премьер-министра, Венгрии, в 2007 г., предстоящие в 2018 г. матчи чемпионата мира по футболу в Саранске и, наконец, празднование в 2012 г. 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Последнее событие стало для республиканской политики идентичности не только знаковым и референтным, но и квазиконституционным, благодаря интерпретации его смысла Главой РМ Н.И. Меркушкиным, практически относящейся к предметной области государственного суверенитета: «В советское время мы отмечали 500-летие добровольного вхождения Мордовии в состав России. Кто-то недавно отмечал 400-летие. Но в грядущий праздник закладывается совершенно иная идеология. Мы вместе создали это государство, и теперь отвечаем за все его успехи и за то, что пока не получилось сделать» [10].

Эта интерпретация стала дискурсивным событием, которое позволило сделать сам юбилей точкой отсчета для этатизации идентичности титульной этнической общности путём реартикуляции статуса мордвы как «государствообразующего народа», то есть политической нации. Основной функцией такого определения, с нашей точки зрения, является дополнительная легитимация статуса республики как отдельного административного региона на уровне политического дискурса и пропаганды, хотя конституционным источником власти в ней, согласно Конституции Республики Мордовия, является многонациональный народ Российской Федерации (ст. 2). Приведённое выше высказывание в интервью Главы РМ 2009 г. породило квазиконституционный дискурс с квазиконституционными ссылками на Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» № 46 от 11 января 2009 г., который утверждает положение о комиссии по организации празднеств, но вообще не затрагивает вопросов национальной или исторической политики и не содержит терминов «государствообразующий народ» и т.п., а также на само событие юбилея.

На VI съезде мордовского народа в 2015 г. в Саранске председатель исполкома Совета Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа профессор М.В. Мосин предложил делегатам и гостям съезда «вспомнить в первую очередь 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства, принятый в связи с этим Указ Президента Российской Федерации о его праздновании, в котором мордовский народ фактически на самом высоком уровне признан государствообразующим народом России» [20. С.18]. Сменивший Н.И. Меркушкина в 2012 г. в должности Главы РМ В.Д. Волков и министр по национальной политике РМ А.М. Чушкин также сочли своим долгом высказаться об этом не упомянутом в российском конституционном праве государствообразующем статусе.

Важно заметить в связи с этим, что такая интерпретация российской идентичности не следует автоматически из институциональных особенностей республик и поэтому далеко не во всех из них принимается по умолчанию. Подход к этой проблеме, озвученный в 2013 г. министром национальной политики Удмуртской Республики В.Н. Завалиным на встрече с представителями этнической прессы, ближе к «двухуровневой» концепции российской нации В. А. Тишкова и при этом прямо отсылает к программной статье В.В. Путина по «национальному вопросу» [24]. В данной статье декларируется государствообразующая роль русского народа и культурного ядра в России: «Мы должны защищать национальные интересы и удмуртского, и русского, и других народов, проживающих на территории республики, но с пониманием того, что цементирующим основанием является русский народ» [21].

Аналогичная концепция «титульной» этничности как элемента культурного многообразия республики, но не основы её политического статуса, прослеживается и в более раннем интервью другого удмуртского политика И.Н. Семёнова, который декларирует принципиальный отказ от политики этнизации: «Сегодня мало кто верит в мифы о продолжающейся русификации. Так же, как и в мифы о необходимости «удмуртизации». В Удмуртской Республике проживают люди 70 национальностей: русских – 59%, удмуртов – 31, татар – 7, чуваша, марийцы... Естественно, что у нас два государственных языка. Главное, чтобы для всех жителей, независимо от национальности, удмуртская земля

была родной, чтобы они могли жить на ней в соответствии с традициями, укладом, культурой предков, беречь и передавать детям их язык» [28].

Можно заключить, что на степень этнизации республиканской политики идентичности влияют не столько декларации или взаимно противоречащие конституционные нормы, сколько реальная поддержка, оказываемая республиканским правящим элитам федеральным центром, поскольку такая политика в принципе не может быть односторонней и представляет собой продукт взаимного согласования интересов местных и федеральной элит. Участие В.В. Путина уже в статусе Президента РФ через полгода после публикации его статьи, в августе 2012 г., в юбилейных торжествах в Мордовии, в программу которых вошло первое заседание президентского Совета по межнациональным отношениям, стало для местных политиков более действенным сигналом, чем само содержание статьи, которое на практике может интерпретироваться весьма вольно.

Параллельно присвоению и переопределению в республиканском властном дискурсе подверглось и понятие «общероссийской гражданской идентичности», которое стало интенсивно артикулироваться представителями высшего политического руководства Мордовии и интерпретироваться в виде суммы этнических наций, каждая из которых является «государствообразующим» клоном русской, тем самым утрачивающей свою функциональную уникальность: «Роль и значение мордовского народа, как одной из важнейших скреп в формировании всероссийской общегражданской идентичности, ещё раз были ярко продемонстрированы во время празднования Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства» (В.Д. Волков) [20. С. 8]; «Осмысливая национальное самосознание, мы нашим съездом показали, что мордовский народ, являясь одним из государствообразующих народов, выступает в числе первых за общероссийскую гражданскую идентичность» (А.М. Чушкин) [20. С. 24].

В) Управление отношениями с «диаспорами» титульной национальности в других регионах России заключается как в оказании кадровой, учебно-методической и иной спонсорской помощи (например, в виде официальных визитов, экспедиций, гастролей, распространения научно-популярной, учебной, художественной литературы, альбомов, туристических буклетов, аудио- и видеоматериалов) институтам культуры и образования в районах компактного проживания мордовского населения в различных регионах России, а также в виде организации и финансирования этноориентированных общественно-политических институтов, включая уже упомянутые съезды мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, а также другие общественные инициативы, например, конгрессы эрзянского народа, IV (2009 г.) и V съезды финно-угорских народов России (2014 г.).

Съезд мордовского народа и его негосударственный организатор – Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, центральный орган которого находится в Мордовии, как и другие съезды народов и их центральные органы по характеристике А.Г. Осипова «действуют в основном как лоббисты, побуждающие власти к определенным акциям (если они сами не управляются властями) или играют роль групп поддержки, или пропагандистского инструмента для официальных властей» [22. С. 111].

В то же время на примере Мордовии можно отметить, что в республиканской политике съезды народов являются дополнительными инструментами этнизации республиканской идентичности – через декларирование ответственности республики за «повышение самосознания мордвы, проживающей за пределами Мордовии... за сохранение и развитие системообразующих признаков мордовского этноса» [20. С. 26]. Также инструментами этатизации «титульной» этнической идентичности – через создание дискурсивных ситуаций, в которых руководство республики практически отчитывается в терминах, характерных для советской национальной политики «коренизации», перед делегатами съезда об «успехах в подготовке и переподготовке кадров национальной интеллигенции, проведении национальных праздников, обеспечении национальных школ учебниками» и т. д. [20. С. 9], а политики, занимающие выборные должности, например, мэр столицы Мордовии, г. Саранска, П.Н. Тултаев, имеют возможность выступать от имени этнонации и подкреплять её своим должностным авторитетом не только посредством говорения о ней, но и через артикуляцию собственной этнической принадлежности («я хотел бы искренне сказать не только как представитель и председатель Ассоциации финно-угорских народов РФ, активист мордовского движения, но и как мордвин» [20. С. 14].

Г) Этнические приоритеты кадровой политики артикулируются в республиках реже, так как на федеральном уровне не декларируется ничего похожего на советскую политику «коренизации» или поддержки «национальных кадров». Если руководство республики открыто поддерживает этнизацию

политической элиты, оно, как отмечает Р.Р. Галлямов на примере Башкортостана и Татарстана, оправдывает её в качестве «акта «компенсации» за существенно ослабленные возможности вхождения в политическую элиту этнодисперсным национальным группам России» [6. С. 35].

К области кадровых этнических предпочтений при зачислении в учреждения высшего и среднего профессионального образования Республики Мордовия можно отнести приоритетное положение абитуриентов – представителей «мордовской диаспоры» в различных регионах России. Отчасти эти преференции объясняются функцией поддержки культуры, языка и этнокультурного образования в мордовских сообществах за пределами республики, однако в большинстве случаев такой приём не носит целевого характера, и выпускники, воспользовавшиеся своим преимуществом, могут обосноваться в Мордовии или любом другом регионе.

Как бы то ни было, предпочтения в отношении абитуриентов из числа мордовской диаспоры озвучиваются в республиканских СМИ и общественно-политическом дискурсе в качестве самоочевидной и приоритетной цели: «На протяжении ряда лет мы создаём все условия для молодых представителей мордовской диаспоры, при необходимости открываем дополнительные места за счет республиканского бюджета. Эта работа уже приносит свои плоды. За пять лет в вузы Мордовии зачислено более 4,5 тыс. человек из регионов России. Почти 1200 представителей мордовской диаспоры поступили в наши учреждения средне-специального образования», – сообщил Глава РМ В.Д. Волков на VI съезде мордовского (мокшанского и эрзянского) народа [20. С. 10];

2) «инструментальные» социальные технологии республиканской политики идентичности, реализуемые различными министерствами и ведомствами, включают различные институциональные и неинституциональные социальные практики, служащие средствами донесения её целей до населения республики и их достижения. К числу таких технологий можно отнести:

а) региональную культурную политику, реализуемую через существующую сеть учреждений культуры – национально-культурных центров, домов культуры, театров, профессиональных и самодеятельных музыкальных коллективов, музеев, библиотек, а также через фестивали профессиональной культуры и художественной самодеятельности (включая, например, театрализованные языческие фестивали – озксы – в Мордовии) и другие тематические мероприятия, освещаемые в СМИ. Программа этих мероприятий отражает приоритеты республиканской политики идентичности, а также позволяет аудитории отслеживать и оценивать её изменения в постсоветский период, как заметил один из участников фокус-группового исследования: *«В меня с партийных времен вдолбили, что нужно всё строить по процентному соотношению – больше никак мы не сможем ответить, почему вы этой национальности номеров больше поставили, а этой меньше. Вот ответьте, почему? Скажете, эти лучше поют? Не скажешь так, и другие хорошо поют. А когда в процентном отношении, меня спрашивают, почему этих пять номеров, а этих семь, я сразу говорю: а мордвы у нас 13 %, татар – 34 %, русских – 52 %. Все – вопрос исчезает. Но вот на уровне Республики почему-то мы мордовских много номеров вставляем. Пусть мордва на меня не обижается – здесь есть представители. Я просто свое мнение высказываю. Но вот татарских номеров почему-то мало ставят. Я считаю, что на уровне Республики этот баланс не соблюдается. И это очень плохо, потому что народ, который там сидит (я же с ними общаюсь и вижу их настроение) – они недовольны. Вот даже это тоже надо просчитывать»* (64 года, русский, муниципальный служащий, село, образование высшее);

б) государственную политику в области управления массовыми коммуникациями, включая дифференцированную поддержку республиканских средств массовой коммуникации, формирование их тематики, отбор приоритетных информационных поводов, ранжирование событий по значимости и объему релевантной информации, контроль способа подачи информации, включая этнокультурную информацию о событиях с участием представителей титульной национальности республик в других странах и регионах. Например, заметка в газете «Известия Мордовии», учрежденной органами власти республики, о мультикультурном фестивале в Самарской области, была опубликована под заголовком «Жителей Самары приглашают посмотреть на мордовские песни и пляски». Начинаясь заметка следующим образом: «20 августа в Самаре пройдет национально-культурный праздник «На самарских просторах...», сообщает samgu.ru. Гостей мероприятия ожидает насыщенная культурная программа, в том числе мордовские песни и танцы. Кроме представителей мордовских народов, являющихся организатором этого праздника, свое искусство покажут чуваша, башкиры и татары» [11];

в) республиканскую политику в области образования, представленную прежде всего институционализацией изучения языков титульных этнических общностей в той или иной форме на разных уров-

нях образования, а также краеведческих, этнографических и религиоведческих дисциплин в рамках этнокультурных компонентов образования. В качестве приоритетного механизма реализации политики идентичности рассматривается изучение местных государственных языков по объемам, охвату учащихся и степени принуждения к которому можно судить о степени её этнизации. Кроме Татарстана, где уже в начале 2000-х гг. татарский язык изучали 99,1 % школьников [8. С. 8], пример практически всеобщего обучения республиканским государственным языкам демонстрирует Мордовия, где факультатив по мокшанскому или эрзянскому языку внедряется в обязательном порядке с начала 2000-х гг. Типовой учебный план республиканского Министерства образования предусматривал изучение мордовских языков в школах с русским языком обучения в объёме 1-2 часов в 1-3 классах и 2 часов в 4-6 за счет регионального компонента образования, а в 2015 г. – уже в 7 классе [20. С. 19]. Можно отметить также обязательное изучение этих языков в высших учебных заведениях, перевод учебников по различным предметам для 1-4 классов для школ с родными мордовскими языками обучения, издание учебников и словарей, организацию республиканских олимпиад по родным языкам, Всероссийского дня мордовских языков и т. д.;

г) языковую политику вне системы образования, включающую книгоиздание на местных языках. Номенклатура и тираж позволяют дать количественную и качественную оценку данного компонента политики идентичности, государственное спонсирование использования местных языков в печатных и электронных СМИ, теле- и радиовещании в различных объёмах и с различным назначением, а также обеспечение возможностей их использования в деятельности других социальных институтов, создание информационных порталов и сетевых сообществ в Интернете, оформление вывесок, указателей и других информационных материалов в общественных местах, например, в виде названий улиц Саранска, которые к 2018 г. предполагается продублировать пять раз, поместив на вывесках современные и дореволюционные названия на русском языке наряду с современными названиями на двух мордовских и английском языках [3];

д) партнёрство органов власти и местного самоуправления с этноориентированными и религиозными (или мирянскими конфессиональными) организациями в различных формах – от создания казачьих классов до организации круглых столов с участием представителей власти и национально-культурных автономий до поддержки православного христианства в качестве основы общероссийской гражданской идентичности. Соответствующие заявления, например, были сделаны на VI съезде мордовского народа в 2015 г. председателем АФУН РФ и мэром г. Саранска П.Н. Тултаевым («очень хорошо, что многие народы объединяет, на мой взгляд, ещё одно чрезвычайно важное обстоятельство – мы преимущественно православные. Православие – наш духовный фундамент, который с годами только укрепляется» [20. С. 13]) и митрополитом Саранским и Мордовским Зиновием («важно заботиться об укреплении веры, освящающей и просвещающей душу народа. Это залог и успех в возрождении культуры, в сохранении национальной самобытности и при этом мощный стержень общегражданского единства и согласия» [20. С. 15]). В данном случае можно констатировать не только этнизацию, но и конфессионализацию установок республиканской политики идентичности;

е) брендинг территорий в широком смысле – от позиционирования республики через создание государственной символики, отражающей историко-культурную специфику, до рекламы туристических дестинаций и товаров, производимых в республике в виде производства информационных материалов и сувенирной продукции. В.К. Мальковой и В.А. Тишковым он был отнесён к числу механизмов управления республиканской идентичностью, призванный способствовать в первую очередь её натурализации и сохранению республик как административных регионов [16. С. 10-11].

В Мордовии источником для изучения использования брендинга территории для формирования когнитивных и эмоциональных (позитивно окрашенных) компонентов республиканской идентичности могут служить, например, материалы на сайте «Турпортал Мордовия» Туристско-информационного центра Республики Мордовия (<http://turizmrm.ru/>), информирующего и раздела «1001 вопрос о Мордовии» коммерческого проекта «Товары Мордовии» (<http://tovarymordovii.ru/>) с соответствующими приложениями в социальных сетях. «Турпортал Мордовия» содержит информацию о туристических достопримечательностях, включая музеи, православные храмы и монастыри, а также вновь созданную для посетителей Мордовского заповедника «Тропу языческих богов» с деревянными скульптурами местных резчиков.

Материалы раздела «1001 факт» характеризуются избыточной для коммерческого брендинга региона степенью этнизации как по количеству (этнические материалы составляют 40 % информационных

сообщений в разделе за 2014–2015 гг.), так и по содержанию: этнокультурное своеобразие региона в этом разделе представлено исключительно мордовской этничностью и культурой. Например, в сетевых пабликах сайта «1001 факт о Мордовии» размещены ролики, представляющие республику как регион, принимающий чемпионат мира по футболу 2018 г. Также они предназначены для демонстрации в купейных вагонах поезда «Мордовия» по маршруту «Москва–Саранск», в одном из которых мордовский фольклорный ансамбль исполняет футбольный гимн [19], а в другом традиционная культурная специфика республики представлена исключительно массовой в мордовских национальных костюмах [40].

ж) дизайн городской архитектурной среды как технология политики идентичности включает реконструкцию, перепланировку и создание новых архитектурных ансамблей в центре и других наиболее посещаемых визитёрами частях города, размещение культовых сооружений, памятников, учреждений культуры, предназначенное для создания определённого историко-культурного образа города, с целенаправленной разработкой и отделкой его видимых деталей. Сюда можно отнести, например, строительство мечети Кул-Шариф в казанском Кремле или Свято-Феодоровского кафедрального собора с памятником адмиралу Ф.Ф. Ушакову и большой свободной площадью для обзора в центре Саранска, создание площади Тысячелетия возле Мордовского государственного университета и Республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина в Саранске с оформлением плиточного покрытия и фонтана в виде узоров мордовской вышивки, установку на ней монументального памятного знака из базальта с гипотетической картой этнической территории мордвы в I тыс. н. э., стендовую социальную рекламу, в которой республику репрезентируют три женщины в русском, мокша-мордовском и эрзя-мордовском национальных костюмах, вывески с названиями улиц на мордовских языках и т. д.;

з) региональная историческая политика, направленная на формирование исторических компонентов региональной и «титულიной» этнической идентичностей. Реализуется посредством интерпретации исторического прошлого в НИР, создания версий истории региона и этнических групп в учебной, научной и научно-популярной литературе, социальных проектах историко-культурной направленности и средствах массовой информации, создания музеев, меморизации в различных формах значимых исторических событий, организации выставок, фестивалей исторической реконструкции, а также символического присвоения культурного наследия и археологических памятников, не имеющих прямого отношения к современным этническим группам населения региона, например, скифских погребений «Долины Царей» в Тыве и «принцессы Укока» на Алтае [27. С. 194], городища фатьяновской культуры Ош Пандо в Мордовии.

Оценить социальные последствия реализации описанных выше технологий политики конструирования республиканской идентичности рамках работы над научно-исследовательским проектом «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» позволило предпринятое нами в 2016 г. фокус-групповое социологическое исследование на тему «Народ России: что нас объединяет?». Всего было проведено 3 фокус-группы (по 7-9 человек в каждой) среди жителей Республики Мордовия: горожан с высшим образованием, сельских жителей с различным уровнем образования, горожан со средним образованием, с участием представителей наиболее многочисленных этнических групп населения республики – русских, мордвы и татар – в каждой группе. В процессе рекрутирования участников учитывались их пол, возраст, национальность и уровень образования.

Проблема исследования заключалась в выявлении наиболее значимых социальных факторов конструирования и поддержания региональной социальной идентичности, с одной стороны, и общероссийской национально-гражданской идентичности в полиэтничных регионах России, имеющих специфическую государственно-правовую форму республики в составе РФ, где процесс конструирования региональной идентичности имеет общие характеристики, связанные с их институционализацией в прошлом в качестве форм «этнической государственности».

Объект исследования – население Республики Мордовия как республики с относительно гармоничными межэтническими отношениями в составе Российской Федерации, предмет исследования – основные социальные факторы и технологии конструирования региональной и общероссийской национально-гражданской идентичности в процессе их взаимодействия.

В последние десятилетия качественные методы социологического исследования, позволяющие выявить неявные, редко артикулируемые социальные представления и основания групповой идентичности, начинают использоваться российскими социологами при исследовании этнических и национальных проблем. Метод фокус-групп использовался в России, например, при изучении идентич-

ности различных групп татар – поволжских, сибирских и крымских – участниками социологических исследований в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014-2016 гг.)» [38].

Качественное исследование социальных последствий политики региональной идентичности в виде многоуровневой матрицы идентичностей в Республике Мордовия было впервые предпринято А.С. Солдатовой и Е.В. Ширмановым в 2015 г. в форме фокус-групп с использованием визуального материала. По мнению авторов исследования, «этническое» (мордовское) является основой для региональной символично-смысловой системы идентичности жителей Республики Мордовия, в том числе для русских и переехавших в регион жителей. ... Жители довольно критически оценивают излишнюю трансляцию и демонстрацию своего «этнического» на внутрорегиональном уровне, но на общероссийском и международном – оно представляется «уникальным», важнейшим в представлении региона» [29. С. 59] на общем фоне доминирования российской идентичности в наборе идентичностей жителей республики и слабой выраженности макрорегиональной – «поволжской» социальной идентичности.

Цель исследования заключалась в выявлении основных социальных факторов и технологий конструирования общероссийской и региональной идентичностей и их гармонизации в полиэтнических регионах в статусе республик в составе РФ. Полученные результаты позволили охарактеризовать воздействие этих социальных технологий на массовое сознание населения республики в различных аспектах: 1) выявить степень и основания самоидентификации информантов с российской гражданской нацией и населением Республики Мордовия как социальными общностями; 2) проанализировать соотношение различных форм социальной идентичности населения республики; 3) получить оценку целесообразности и социальных последствий использования различных социальных технологий конструирования российской и республиканской идентичности в Республике Мордовия.

Фокус-группы продемонстрировали наличие в республике различных точек зрения на проблему формирования российской национально-гражданской идентичности. Информантам было предложено ответить на вопрос: «Как Вы считаете, являются ли все граждане России, будучи представителями разных национальностей, религий и культур, единым российским народом (по аналогии с американским, французским и др.)?» В сельской фокус-группе доминировало мнение о российском народе как единой общности: *«Думаю, что считать нас единым народом не столько можно, сколько нужно, так как это основа нашей государственности, по сути. В конце концов, у нас общий менталитет все-таки. И не обязательно отрицать свою национальную идентичность. Считать нас всех россиянами – это, наверное, самое важное и нужное сейчас»* (25 лет, русская, безработная, образование высшее).

В обоснование своей точки зрения опрошенные приводили такие аргументы в пользу российской гражданской идентичности, как единое государство, исторически сложившиеся традиции межкультурной толерантности, советское прошлое, государственный язык и общие культурные образцы, транслируемые через систему образования: *«В своей жизни я как-то не конфликтовал ни с какими религиями, как-то не сталкивался. Так воспитывали, наверное. Потому что, как-то зародилось у нас, что ко всем нужно относиться одинаково, несмотря на то, где ты родился, кто у тебя знакомые, с кем ты общаешься, с кем ты учился. Потому что и в университетах как-то сближает это все – там ведь много национальностей. Поэтому, по мне, нормально, единый народ»* (33 года, татарин, предприниматель, село); *«Национальности-то разные, но все мы говорим на одном языке – на русском. И это, может быть всех нас и сближает»* (35 лет, мордовка, учитель, село, образование высшее).

Противоположное мнение о том, что россиян нельзя в настоящее время считать единым народом, чаще высказывали информанты с высшим образованием и жители города, а также молодёжь, называя в качестве основных препятствий формирования российской гражданской идентичности социальную разобщённость россиян, а также культурные различия у народов страны. При этом «скептики», как и «оптимисты», подчёркивали значение государства для интеграции различных сегментов российского общества: *«У нас много разъединяющих факторов, и, как показала практика истории, тут уже про историю кто-то стал говорить, небольшие катализаторы, небольшие проблемы на внутренней и внешней арене, они, так сказать, стимулируют государство к развалу и народы к развалу и к спору между собой. Мы раньше с украинцами существовали единым народом, славяне, а теперь общаемся не очень хорошо»* (27 лет, татарин, государственный служащий, город, образование высшее).

На наш взгляд, такая проблематизация понятия «российский народ» участниками фокус-групп заслуживает отдельного рассмотрения. Можно заключить, что массовому сознанию не свойственна

тенденция к реификации этого социального феномена как изначально присущего российскому обществу атрибута, само собой разумеющегося в силу объективных исторических причин, которая наблюдается в оценках даже наиболее авторитетных представителей российского экспертного сообщества. Например, В. А. Тишкова говорит: «Российский народ-нация – не результат искусственной унификации, а де-факто объединённое этническое разнообразие. Население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства» [32. С. 156].

Многими опрошенными понятие «российский народ» воспринимается, скорее, как проект и императив («не столько можно, сколько нужно»), который реализуется усилиями государства и других институтов, прежде всего образовательных, информационных и правовых, значимость которых опрошенные отмечали в ответах на вопрос о том, что объединяет их с гражданами России в других регионах: «*Язык, территория и закон*» (34 года, мордовка, фрилансер, образование высшее); «*Если есть люди, которые близки мне, они меня объединяют. А со всеми остальными меня объединяет только закон*» (27 лет, татарин, государственный служащий, город, образование высшее).

Понятие «российский народ» связано у информантов с памятью о проекте советского народа, который В.А. Тишков приводит в качестве образца российской гражданской нации, подчеркивая преемственность между имперской, советской и современной российской гражданской идентичностью. На массовом уровне также имеется сознание преемственности, но оно ассоциируется с травматическим прецедентом «переформатирования» границ государства и общества и, как следствие, ощущением неопределённости относительно перспектив постсоветского нациестроительства.

Таким образом, общероссийская гражданская идентичность в той степени, в которой она сформирована у населения республики, включает представления не только о существовании такого социального феномена, как российский народ, но и о том, что его общность и солидарность является результатом прошлых управленческих усилий и требуют новых для своего поддержания. Участники дискуссии высказывали мнение о формировании и поддержании общегражданской идентичности как продукта целенаправленной политики, в числе задач которой называли «изобретение» объединяющих традиций и перформативных практик как механизмов производства общих ценностей и солидарностей: «*В принципе люди живут сами по себе, своими маленькими ячейками, своими семьями, но там раз, например, в год, допустим, на Пасху, на Новый год, все люди объединяются в этот момент. У всех общие традиции, все ходят, например, в церковь, все встречают Новый год. Также на 9 мая все ходят на парад. Помните, например, этот «Бессмертный полк», год назад, когда народу было меньше, а в этом году сколько было народу. Я считаю, нас объединяет именно это*» (27 лет, мордовка, педагог-психолог, город, образование высшее).

Исследование показало, что соотношение российской и региональной идентичности у большинства населения республики носит ситуативный характер и зависит от факторов социальной и территориальной мобильности, характера занятости и социальных контактов в регионе и за его пределами. Приоритетной региональной самоидентификации способствует замыкание социальных контактов в республике, административном районе или поселении: «*Родилась в Саранске, живу всю жизнь в Лямбуре. Это наша родина – Мордовия*» (58 лет, татарка, бухгалтер, село, образование высшее). «*Я редко выезжаю за пределы Мордовии*» (35 лет, мордовка, учитель, село, образование высшее).

Приоритетная идентификация с Россией часто встречается у молодежи как наиболее мобильной социальной категории: «*В первую очередь, ощущаю себя россиянином, конечно же. Потому что живу я на территории России в первую очередь. Мордовия ведь не отдельное какое-то государство. И живу я в Мордовии не всю жизнь, раньше жил в другом городе. Может быть, жителем Мордовии себя может считать тот, кто здесь родился и всю жизнь прожил?*» (20 лет, мужчина, мать – русская, отец – татарин, работает в агентстве по продаже недвижимости, село, образование среднее).

Среди участников фокус-групп преобладает сбалансированная (в равной степени российская и региональная) самоидентификация, многие рассматривают вопрос региональной идентичности как ситуативный и не имеющий принципиального значения для них лично: «*Тут как-то двояко получается. Сейчас, можно сказать, жителем Мордовии. Родился я в г. Санкт-Петербурге, то есть я себя и так ощущаю, и так. То есть почему нельзя сказать, что если я живу в Республике Мордовия, я не россиянин? Я и здесь россиянин, то есть я не вижу смысла как-то это разграничивать. В любом месте, где бы я ни был, в конкретном случае здесь, я везде буду россиянином. То есть у меня как-то плоско и просто*» (23 года, национальность – Российская Федерация, программист, город, образование высшее).

Зависимость региональной самоидентификации от этнической прослеживается в ответах информантов, относящих себя к мордве: *«Я одинаково себя ощущаю как жителем Мордовии... как мордовкой, так и россиянином»* (27 лет, мордовка, педагог-психолог, город, образование высшее), однако не может рассматриваться в качестве всеобщей и закономерной: *«Поскольку последние 3 года я проживаю в Мордовии, и специфика данного региона меня касается, в данное время я ощущаю себя жителем Мордовии. В принципе, в большей степени я, наверное, космополит, россиянка»* (34 года, мордовка, фрилансер, город, образование высшее).

Воздействие республиканской политики идентичности в аспекте её этнизации на самоидентификацию информантов невелико. В основном оно прослеживается в восприятии представителями всех этнических групп населения Мордовии историко-культурных образов, составляющих «имиджевые» компоненты региональной и столичной идентичности. Эта тенденция коснулась персонального аспекта социального имиджа региона, который, по мнению опрошенных, репрезентируют бывший Глава Республики Мордовия Н.И. Меркушкин, такие известные медийные персонажи, как олимпийские чемпионы по спортивной ходьбе и греко-римской борьбе, проживший значительную часть жизни за границей и получивший мировую известность скульптор С.Д. Эрзя (Нефёдов), а также образ лисицы с герба столицы республики – г. Саранска, который активно используется в символике республики, торговых марках, сувенирной продукции, но при этом получает изначально несвойственные ему этнические аксессуары (например, мордовский женский головной убор):

«Модератор. А есть ли какие-то символы, образы, которые у вас ассоциируются с Мордовией? – (3 участника). – *Лиса*. – Модератор. Так, давайте по порядку. – *Лиса. Первая ассоциация* (34 года, мордовка, фрилансер, город, образование высшее). – *Ну, вот это, герб, флаг, лиса вот эта* (64 года, татарин, пенсионер, город, образование высшее). – Модератор. То есть лиса как животное? – *Как животное, как символ Мордовии, везде её изображения. И Эрзя* (64 года, татарин, пенсионер, город, образование высшее)» – *Лиса.... Вот эта маленькая рыженькая лисичка, которая нарисована, раньше, помню, и на телеканале сверху была, также на гербе Саранска* (27 лет, мордовка, педагог-психолог, образование высшее); *«Я тут быстренько себе набросала: герб, Меркушкин, лисица и шумбрат. Шумбрат – это такое слово, приветствие, которое всегда на слуху»* (27 лет, русская, домохозяйка, село, образование высшее).

В целом тенденция к этнизации республиканской идентичности отражает воздействие управленческой стратегии конструирования образа республик как «этнических территорий», составляющей основу формирования имиджа этих регионов, призванного повысить их привлекательность и служащей для обоснования самоочевидности их выделения в качестве объектов территориального управления. Участники фокус-групп положительно оценивают «перформативные» элементы мордовской этнической культуры в публичном пространстве, отвечая на вопрос «Какие символы, образы ассоциируются у вас с Республикой Мордовия?»: *«Костюмы, в первую очередь. Традиции, обычаи»* (35 лет, мордовка, учитель, село, образование высшее); *«Гимн, герб Мордовии. Это и культура. Особенно праздники все наши, которые в Мордовии проходят»* (64 года, русский, муниципальный служащий, село, образование высшее); *«Лиса и хлеб-соль. Мне нравится, как у нас всегда чиновников встречают с хлебом-солью и с нарядками»* (33 года, татарин, предприниматель, село, образование среднее).

При обсуждении факторов, способствующих поддержанию республиканской идентичности, называются социальные технологии, аналогичные тем, которые служат формированию общероссийской идентичности: республиканские праздники, мегасобытия, включая предстоящий в 2018 г. чемпионат мира по футболу, и юбилей 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства: *«Знаменитое тысячелетие единения народа, я участвовал, было очень грандиозно. Такое массовое зрелище, массовое шоу – для жителей республики - это большой подарок»* (42 года, русский, учитель, город, образование высшее).

В то же время исследование позволило выявить границы воздействия практик управления идентичностью информантов, не относящих себя к титульной этнической общности: если фольклоризированный образ мордовской культуры и соответствующие перформативные практики воспринимаются ими позитивно в качестве элементов культурного многообразия, то такие технологии, как обязательное изучение мордовских языков в средней школе и вузах республики и чрезмерная, по мнению ряда опрошенных, пропаганда мордовской культуры, вызывают у них негативную реакцию и становятся поводом для выражения претензий к властям: *«Каждый для себя должен выбирать. Помоему, кто-то говорил, что в школах мордовский язык изучается и он изучается как основной пред-*

мет. Думаю, детям и родителям надо давать выбор и сделать этот предмет скорее факультативным» (25 лет, медицинская сестра, город, образование среднее); «Надо немножко в школах заниматься не спасением языка, а чем-то другим. Школа немножко для другого предназначена» (42 года, русский, учитель, город, образование высшее).

Проблематизация особенностей Мордовии как полиэтнического и поликультурного региона посредством вопроса «Вы сами общаетесь с представителями разных национальностей или преимущественно одной национальности? Или Вы не обращаете внимания на национальность окружающих?» в ходе дискуссии позволила выявить точку зрения, согласно которой республика является не более этнически специфичным регионом, чем соседние области: «Я думаю, что вопрос немного некорректно сформулирован, потому что как Вы можете узнать, какой веры и какой национальности человек, если он с Вами заговорил? На мой взгляд, надо сформулировать по-другому: изменили ли бы Вы отношение к человеку, если бы в процессе общения узнали, что он другой национальности и другой веры? Возможно, что я бы изменил. Если бы я с ним просто разговаривал, и нам было бы без разницы, двум людям, кто какой национальности, потому что я разговариваю с человеком, и нигде не написано, что он мордвин. У нас и в паспортах не написано, и он мне лично не скажет. По мне тоже не скажешь, что я татарин, хотя я разговариваю на татарском языке. По нему не скажешь, что он мордвин, он и при мне не заикался на мордовском. По имени тоже не скажешь. По его имени не скажешь, единственно, по цвету кожи может быть, да?» (27 лет, татарин, государственный служащий, город, образование высшее).

Эта субъективная оценка информантов относится не только к характеристикам социально-коммуникационной среды в Мордовии, но и к этническому составу населения, который также представляется им более гомогенным, чем это следует из данных последней переписи населения: «Я тоже соглашусь с той точкой зрения, что особо-то многонациональным наш регион я не чувствую. По последней переписи населения, титульной нации здесь, мордвы, 25 %, и большинство из них обрусевшие, причём доводилось, ещё когда я был студентом, когда бабушка с внучкой общается через переводчика, потому что бабушка по-русски не знает, а внучка уже родной язык не знает» (42 года, русский, учитель, город, образование высшее).

Эту интерпретацию российской идентичности можно охарактеризовать как ассимиляционную, отличную от двухуровневой концепции строительства российской нации и, предположительно, представляющую собой ответную реакцию по отношению к ассимиляционной парадигме конструирования республиканской идентичности на основе идентичности титульной этнической общности: «Я считаю, что наша страна по сути является древней империей, в которой есть общая нация, то есть русские в данном случае, которые объединяют и как бы у нас многонациональное государство, но все нации постепенно склоняются к русским и границы стираются, т.е. есть сейчас какие-то различия, но они постепенно уйдут» (25 лет, русский, техник, город, образование среднее). Таким образом, технологии конструирования республиканской идентичности через её этнизацию и этатизацию этничности в Мордовии терпят неудачу в воздействии на массовое сознание и даже вызывают эффект бумеранга в той степени, в которой эта политика преследует цели, по сути своей достижимые только при помощи «жёсткой силы» административного давления.

Резюмируя содержание статьи, можно сделать следующие выводы.

1. Региональную политику идентичности можно определить как комплекс социальных технологий управления содержанием и региональной, и национально-гражданской идентичности населения региона, включая целеполагающие (отвечающие за концептуальное определение содержания идентичности) и инструментальные (служащие средствами реализации проектов идентичностей) технологии. Субъектами региональной политики идентичности являются региональные политические и культурные элиты, реализующие её при условии согласования с федеральным политическим руководством через деятельность органов власти, местного самоуправления, подведомственные государственные и муниципальные учреждения, а также НКО и общественные инициативы в качестве аутсорсеров как в артикуляции политических целей, так и в их достижениях.

2. Специфику политики республиканской идентичности на уровне управления региональной идентичностью можно определить через набор альтернативных концептуальных вариантов: 1) этнизация региональной идентичности (маркировка культурной специфики регионального социума на основе этнической специфики «титульного» этноса) в сочетании с этатизацией (квазиконституционной технологии приписывания ей «государствообразующего» статуса) и территориализацией

идентичности титульной этнической общности; 2) определение специфики республики в терминах культурного многообразия и «титульной» этничности — в качестве элемента этого многообразия, без приписывания ей государствообразующей или легитимирующей функции.

3. Этому набору на уровне управления российской национально-гражданской идентичности населения республик местными элитами соответствуют альтернативные концепции российской гражданской нации: 1) как конгломерата территориализированных и политизированных («государствообразующих») этнических наций, по определению выполняющих и культурные, и политические функции; 2) как политического уровня самоопределения граждан России, которому иерархически подчинена идентификация с деполитизированными этническими общностям, выполняющими функции поддержки культурного многообразия при наличии общенационального культурного ядра.

4. Выбор конкретных вариантов республиканской политики идентичности характеризуется значительной региональной спецификой в разных республиках в составе России, практически не зависит от инициатив федерального центра и присваивается республиканскими политическими элитами (или делегируется им в обмен на лояльность). Этот выбор не связан напрямую с этническим составом населения и поэтому способствует его трансформации.

5. Результаты фокус-группового исследования в Республике Мордовия позволили выявить следующие эффекты воздействия социальных технологий республиканской политики идентичности: а) проблематизацию понятия «российский народ» и поляризацию мнений «оптимистов» и «скептиков» относительно российской национально-гражданской идентичности среди участников дискуссии; б) в основном позитивную эстетическую оценку символических и перформативных технологий этнизации республиканской идентичности, направленных на формирование имиджа Мордовии при помощи репрезентации мордовской культуры в публичном пространстве, наряду с критической оценкой таких «жестких» административных технологий и последствий их реализации, как «навязывание» изучения мордовских языков или «вытеснение» культурного многообразия; в) преобладающее скептическое или безразличное отношение информантов, в особенности из числа «нетитульных» этнических групп, к целям доминирующей в Мордовии этнизирующей модели политики идентичности, в том числе поиск альтернативных «негражданских» концепций российской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. №3. С. 67-95.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 408 с.
3. В Саранске названия улиц продублируют пять раз // Региональное информационное агентство ИНФО-РМ/INFO-RM. 2015. 4 марта. URL: http://info-rm.com/2015/03/04/v_saranske_nazvaniya_ulic_produbliruyut_ruat_gaz.html (дата обращения: 15.11.2016).
4. Габдрафиков И.М. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 5. С. 116-124.
5. Галлямов А.Р. Тотальная унификация: почему региональные особенности – это миф // РБК. 2016. 18 февраля. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/18/02/2016/56c5af159a7947a69092a66c> (дата обращения: 26.11.2016).
6. Галлямов Р.Р. Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерения / Р.Р. Галлямов; Центр этнол. мониторинга Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2006. 248 с.
7. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 208 с.
8. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 236 с.
9. Дробижева Л.М. Российская, этническая, региональная идентичность: лонгитюдное исследование 1993–2012 годов // *Вестн. РГНФ*. 2014. № 2. С. 71-83.
10. Дурдаева Т. В Мордовии завершился IV съезд финно-угорских народов России // *Изв. Мордовии*. 2009. № 145 (24.193) от 28 ноября 2009 г. URL: http://www.izvmor.ru/article_6111.html (дата обращения 29.10.2013 г.).
11. Жителей Самары приглашают посмотреть на мордовские песни и пляски // Региональное информационное агентство ИНФО-РМ. 18.08.2016. URL: http://info-rm.com/2016/08/18/zhitelej_samary_priglashayut_posmotret_na_mordovskie_pesni_i_plyaski.html (дата обращения 15.11.2016).
12. «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.

13. История // Официальный сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/25/history.htm> (дата обращения 29.10.2013 г.).
14. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. 232 с.
15. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макро-политической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90-105.
16. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М.: ИЭА РАН, 2010. 182 с.
17. Митрошенков О.А. Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ) // Власть. 2016. №2. С. 14-28.
18. Мордовия многонациональная. Саранск: Юнион принт, 2012. 72 с.
19. 19.Мордовский вечер – Smile [фрагмент]. СПб, Стрельна, Летний дворец, 23.07.2015 – новый гимн Саранска к ЧМ-2018. [Название с экрана] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5bpBViaT6-k> (дата обращения 15.11.2016).
20. Мордовский народ в формировании общероссийской гражданской идентичности / М-во по нац. политике Респ. Мордовия, Межрегион. обществ. орг. мордов. (мокшан. и эрзян) народа. Саранск: Республиканская типография «Красный Октябрь», 2015. 240 с.
21. Национальный вопрос // Официальный сайт Президента Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. Новости. 18.03.2013. URL: <http://www.udmurt.ru/about/info/anounces> (дата обращения: 29.10.2013 г.).
22. Осипов А. Г. Автономия, представительство, участие: феномен «съездов народов» в России // Мир России. 2012. Т. 21, № 4. С. 111-131.
23. Осипов А.Г. Национализм и символическое производство мультиэтничности в России: национально-культурная автономия и этнический федерализм // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 157-182.
24. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 29.10.2013 г.).
25. Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 172-189.
26. Рязанов А.В. Управление идентичностью: артикуляция этнокультурных границ в полиэтничных регионах России // Власть. 2012. № 4. С. 20-23.
27. Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А. Сакральные пространства эпохи постмодерна как значимый социальный феномен // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 25-27 сентября 2014 г. / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 194-198.
28. Семёнов Л. «Янош, ты не прав!» // Российская Федерация сегодня. 2008. № 16. URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2005/no_20/20_udmurtia_2.html (дата обращения: 29.10.2013 г.).
29. Солдатова А.С., Ширманов Е.В. Соотношение общенационального, этнического и регионального в идентичности жителей Мордовии (по материалам прикладного исследования) // Ars administrandi. 2015. № 1. С. 51-60.
30. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
31. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.
32. Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. 232 с.
33. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. 84 с.
34. Тощенко Ж.Т. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
35. Филлипова Е.И. Территория идентичности в современной Франции. М.: ИЭА РАН, 2010. 300 с.
36. Центр и региональные идентичности в России / под ред. Владимира Гельмана и Теда Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.
37. Цумарова Е.Ю. Единство в многообразии, или Как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию // Неприкосновенный запас. 2015. №3. URL: magazines.russ.ru/nz/2015/103 (дата обращения: 26.11.2016).
38. Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 256 с.
39. Этническое и национальное в современной политике: Круглый стол. 27.02.2014 // Журнал проекта «Historia Nationem Gignit». 2014. №3. С. 54-82.
40. Saransk (FIFA World Cup 2018 presentation) [Название с экрана]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nBUwx6qpAvo> (дата обращения 15.11.2016).
41. Verkuyten M. The Social Psychology of Ethnic Identity. Hove and New York: Psychology Press, 2005. P. 20. 294 p.

42. Verkuyten M., Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: the interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. № 38. P. 106-127.

Поступила в редакцию 18.01.17

O.A. Bogatova

**SOCIAL TECHNOLOGIES OF MANAGEMENT OF REPUBLICAN AND RUSSIAN IDENTITY
IN ESTIMATIONS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: EXPERIENCE
OF QUALITATIVE SOCIAL RESEARCH**

This paper specifies the basic social technologies of national and regional identity policy in republics belonging to the Russian Federation and reveals the basic models and levels of republican identity policy. The author also analyzes the social consequences of its influence on mass consciousness on the basis of focus group research data in the Republic of Mordovia. In the author's opinion, the specificity of identity policy at the regional level in the republics of Russia consists either in the ethnization of the regional identity process in combination with the titular ethnic group identity nationalization or in the definition of the republic's identity in terms of cultural variety and the titular ethnic group's cultural identity as its element, without politicization or prescribing the "state-building" functions to the ethnic communities. According to these alternative models, the Russian national identity may be defined by agents of republican identity policy or as a conglomerate of politicized ethnic nations localized in the territories of republics and performing both cultural and political functions, or as the higher hierarchical level of political self-determination of Russian citizens considering themselves among particular ethnic communities, which maintain the cultural diversity.

Results of focus group research in Mordovia have revealed the influence of social technologies of republican identity policy in the form of challenging the concept of "Russian people" and polarization of opinions concerning the prospects of the Russian civic nation identity among the disputants, a basically positive aesthetic estimate of symbolic ethnic components of the republican identity policy, aimed at forming the republic's public image in the framework of Mordovian culture, along with a critical estimate of coercive administrative technologies and consequences of their implementation, such as "imposing" the study of the Mordovian languages or "elimination" of the cultural diversity, the prevailing skeptical or indifferent attitudes to the purposes of the dominating ethnocentric model of identity policy, especially among "non-titular" respondents including the attempts of "noncivic" redefinition of the Russian identity.

Keywords: identity policy, Russian national identity, civil nation, ethnic policy, regional identity, ethnicity, republics belonging to the Russian Federation, social technologies, Republic of Mordovia.

Богатова Ольга Анатольевна,
доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68
E-mail: bogatovaoa@yandex.ru

Bogatova O.A.,
Doctor of Sociology, Professor
at Department of Sociology
National Research Mordovia State University
Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Russia, 430005
E-mail: bogatovaoa@yandex.ru